

— Вычислить личность барышни Цзинь, на самом деле, не так уж и сложно. Моя младшая соученица в обычное время ведет себя как сущий чертенок, но по натуре она большая любительница пошутить. Она наверняка хотела сохранить ореол таинственности и подольше поводить тебя за нос, вот и допустила оплошность, упустив из виду несколько деталей. Если бы она проявила хоть немного внимательности, то давно бы всё поняла, и мне не пришлось бы ничего объяснять.

Фэн Цинцзя посмотрела на Ван Цзи, легонько щелкнула её по носу и рассмеялась.

Ван Цзи внезапно всё осознала.

Мин Шусу, наблюдая за их загадочными переглядываниями, понимала, что дело наверняка в обонянии, но всё равно оставалась в недоумении.

— Наконец-то вспомнила! Раз уж ты, немая, тоже носишь фамилию Цзинь, неужели ты не узнала или хотя бы не слышала о той самой королеве Цзинь Цайя?

Ван Цзи радостно воскликнула, на её лице промелькнуло изумление — редкое проявление девичьей непосредственности. Она поманила пальцем девочку в белой звериной шкуре, призывая её подойти ближе.

— Благотельница, ты знаешь мою сестру?

Маленькая Цзинь послушно сделала несколько шагов вперед.

Вблизи стало видно, что на её щеках всё еще сохранился детский пух, а при улыбке проступали ямочки, придавая ей невероятно невинный и милый вид.

— Моя старшая соученица знает, а я — нет. Когда мне было четыре года, королева Цзинь Цайя случайно встретила сестрой Цинцзя. Они сразу нашли общий язык, стали близкими подругами и взяли нас с собой на гору погостить на несколько дней. Я лишь смутно помню, что группа соплеменников в волчьих шкурах называла её Ваше Величество, а от неё исходил такой особенный холодный запах, словно от талой воды с горных вершин — точь-в-точь как от тебя сейчас.

Ван Цзи вспоминала прошлое и сокрушалась, что так долго не могла этого припомнить. Ощущение ледяной стужи, исходившее от девочки, было очень похоже на то, что осталось в памяти о её сестре, разница была лишь в том, что в глазах ребенка светилась чистота и наивность — было ясно, что она еще мало что повидала в жизни.

— Хоть ты тогда была совсем крохой, но не боялась холодной отстраненности Цайя. Другие дети в Чуншане не смели к ней приближаться, а взрослые почитали её как божество и тем более не дерзали питать никаких лишних мыслей. Но ты — совсем другое дело: вечно липла к

ней, даже спать ложилась только с ней, разве можно сказать, что ты её не знала? Я до сих пор помню, как ты донимала Цайя, обещая, что когда вырастешь, обязательно заберешь её к себе на гору. Цайя очень держит свое слово, наверняка она и прислала сестру за тобой. — с иронией заметила Фэн Цинцзя.

Ван Цзи помнила не всё, но сейчас, когда Фэн Цинцзя перечисляла детали, картины прошлого словно оживали перед глазами, хоть и оставались немного размытыми.

Она знала, что Фэн Цинцзя не станет её обманывать, но всё равно не могла до конца соотнести те воспоминания с собой нынешней. Ван Цзи невольно покраснела, надула губы и отвернулась.

Девушка Цзинь, заметив её румянец, по-видимому, пришла в восторг от этого зрелища и, не умея скрывать своих чувств, уставилась на Ван Цзи в упор.

— Милая барышня Цзинь, как тебя зовут? И как это ты из далекой провинции Цзянсюэ добралась до этих мест?

Мин Шусу, глядя на эту сцену, не смогла сдержать улыбки.

Она сама вышла из повозки, подвела девочку к экипажу и тихо спросила.

Ван Цзи, спохватившись, что из-за разговора с Фэн Цинцзя совсем забросила гостью, почувствовала неловкость и высунула язык, даже не заметив, как девочка не сводит с неё глаз.

— Меня зовут Цзинь Цайлэ. Сестра собирается выйти замуж. Мне стало грустно, и я тайком сбежала с Чуншаня. В ту ночь, когда я спустилась с горы, я заснула в повозке, а потом оказалась здесь. — лаконично ответила Цзинь Цайлэ.

У неё был сильный акцент, но, к счастью, слова она подбирала простые, а присутствующие были людьми опытными, поэтому все всё поняли.

Цзинь Цайлэ перевела взгляд на Ван Цзи.

Последняя, подперев щеку рукой, пыталась связать воедино всю историю.

— Однажды утром я покупала еду на Восточной улице. Двое людей уверяли, что я их дочь, и хотели забрать меня с собой, но она меня спасла. Сестра говорила: добро, полученное каплей, нужно вернуть источником. Вот я и пошла за ней, чтобы однажды, если её попытаются обмануть, спасти её и отплатить за добро.

— Пф, что за глупости ты мелешь? Такая правильная, просто до смешного, — Ван Цзи отщипнула кусочек пастилы из боярышника и откусила — кисло-сладко.

Она ведь тогда просто сказала пару фраз, привлекая толпу, чтобы напугать тех мошенников.

— Цайя выходит замуж? Но разве королева не должна хранить обет безбрачия всю жизнь? И еще, от Цзянсюэ до Линъюя на повозке ехать минимум полмесяца. Цайлэ, как ты вообще выжила в пути? — Фэн Цинцзя тоже взяла кусочек пастилы, но не стала есть, а протянула его Цзинь Цайлэ и погладила её по голове.

— Не знаю. Сестра сказала лишь, что тот даос спас ей жизнь, поэтому она выходит за него. А после свадьбы я стану королевой Волков вместо неё или что-то в этом роде. Повозка ехала очень медленно, каждый день мы отдыхали по полдня. Я по утрам ходила на рынок за едой, а по вечерам пробиралась обратно в повозку, никто и не заметил.

Цзинь Цайлэ, подражая Ван Цзи, отщипнула уголок пастилы, а потом в один присест проглотила всё остальное.

— Ну и упрямые же вы, сестрицы... Раз так выходит, то, получается, ты теперь должна выйти за меня? — Ван Цзи причмокнула губами, подалась вперед, разглядывая Цзинь Цайлэ, и добавила с игривой усмешкой: — А ты довольно симпатичная.

— Верно. Тогда отправимся на Чуншань, объясним сестре, в чем дело, а когда повзрослеем — поженимся.

Цзинь Цайлэ приняла всё за чистую монету и серьезно кивнула.

— Благотельница, ты тоже очень красивая, но всё же немного уступаешь моей сестре.

— Нет-нет, я пошутила, мы не будем жениться! — Ван Цзи просто хотела подурачиться и никак не ожидала такого ответа. Она перепугалась не на шутку и поспешила объясниться, даже не услышав последних слов девочки.

Она украдкой взглянула на Фэн Цинцзя и Мин Шусу, чтобы увидеть их реакцию: Фэн Цинцзя улыбалась, словно её позабавила эта сцена, и не обратила на неё внимания, а вот Мин Шусу смотрела прямо на неё, и в её темных глазах блеснул лукавый огонек, будто она раскусила её попытку прощупать почву.

— Значит, благотельница не хочет, чтобы я вышла за неё?

Серьезный тон Цзинь Цайлэ рассмешил всех присутствующих. Мин Шусу тут же отвела взгляд, и Ван Цзи воспользовалась моментом, чтобы перевести дух.

— Конечно, не нужно. Она просто шутит, не принимай это всерьез. Цайлэ, ты так долго была в отъезде, хочешь домой? Мы тоже собираемся в провинцию Цзянсюэ. Если хочешь вернуться, оставайся в повозке и поедem вместе. — мягко сказала Фэн Цинцзя.

— Цзянсюэ? — Ван Цзи посмотрела на Мин Шусу, та кивнула. Поняв, что они, должно быть, уже обо всем договорились, Ван Цзи уныло добавила: — Ну, значит, поедем.

— Раз благотельница едет с вами, то и я поеду. — решительно заявила Цзинь Цайлэ.

Лишь Мин Шусу заметила, как дрогнул её взгляд, и поняла, что девочка скучает по дому, отчего невольно усмехнулась.

В этот момент вернулся Кун Янь с едой.

Увидев Цзинь Цайлэ, он вздрогнул и машинально потянулся к мечу. Мин Шусу кашлянула, и Кун Янь не посмел продолжать. Пересчитав людей, он молча поставил свою порцию и тут же скрылся, чтобы поесть вместе с остальными стражниками.

Ван Цзи прыснула со смеху.

Куда же делась та свирепость, с которой этот красавчик только что на неё смотрел?

Услышав смех, Мин Шусу тоже улыбнулась. Она посмотрела на Ван Цзи, потом на Цзинь Цайлэ и, наконец, на Фэн Цинцзя.

Ван Цзи поняла, что та хочет поговорить с Фэн Цинцзя наедине, а Цзинь Цайлэ использует как предлог, чтобы выпроводить её. Она послушно нашла повод выйти из повозки и пересест в другую, а Цзинь Цайлэ, как привязанная, последовала за ней.

— Шусу, ты хотела мне что-то сказать? — первой начала Фэн Цинцзя.

Она принялась расставлять палочки для Мин Шусу, попробовав каждое блюдо из своей чаши, чтобы проверить их на яд с помощью серебряной иглы.

При сборах вещей они взяли немного, но вот аптекчек прихватили целых две.

— Госпожа, мне просто стало страшно. — Мин Шусу остановила её руку и нежно погладила Фэн Цинцзя по раненому плечу.

Её тонкие брови слегка нахмурились, а глубокий взгляд на миг смягчился, став похожим на осеннюю воду.

— Этот путь... — Фэн Цинцзя была удивлена.

Раньше, в дороге, Мин Шусу сама получила ранение, но ничуть не дрогнула. Неужели она так

встревожилась лишь из-за столкновения с колдовством?

— Шусу, раз ты приняла решение, то не должна жалеть о нем, как и я. — улыбнулась Фэн Цинцзя, и её янтарные глаза слегка потемнели.

— Впереди ждут тысячи опасностей. Цинцзя лишь желает тебе мира и спокойствия, чтобы ты крепко удерживала власть в этой великой стране. А остальное... Шусу не должна и не обязана принимать близко к сердцу.

Мин Шусу с досадой отстранилась.

Фэн Цинцзя не придавала этому значения и продолжила накладывать ей еду, делая это очень тщательно и сосредоточенно.

— Я уже отправила письмо отцу, разъяснив свою позицию. Клан Фэн в будущем будет стоять за твоей спиной. Прошу лишь об одном: когда ты займешь высокий трон, дай клану Фэн возможность перевести дух.

Выражение лица Мин Шусу изменилось. Этот человек обладал глубоким умом и огромным опытом, почему же она так безнадежна в делах сердечных?

Фэн Цинцзя слегка нахмурилась. Неужели она сказала что-то не то?

— Госпожа, я спрашиваю тебя: тебе больно?

Мин Шусу сейчас не хотелось говорить о политических интригах и борьбе за власть.

— Очень больно. — Фэн Цинцзя кивнула и снова улыбнулась. — Что такое? Шусу, ты засомневалась из-за меня?

— Госпожа думает, это не так?

Мин Шусу опустилась на колени на коврик, подалась вперед и поцеловала рану Фэн Цинцзя.

Та дернулась, но Мин Шусу придержала её.

— Даже не подумала об этом. — Фэн Цинцзя решила сдаться и, словно играя, накрутила прядь волос Мин Шусу на палец. — Слуга печется о своем господине, слуга умирает за своего господина — чего еще желать?

— Господин... слуга... — Мин Шусу слегка приподняла голову, её губы окрасились кровью Фэн

Цинцзя, став ярко-красными. — Неужели девять лет назад всё было лишь прекрасным сном?

— ... — Фэн Цинцзя отвернулась, её уши залились густым румянцем.

— Цинцзя, в душе я не считаю тебя слугой, и тем более не вижу в тебе просто наставника...

Голос Мин Шусу охрип, она говорила с трудом, сердце бешено колотилось, а кровь прилила к лицу.

— У твоего клана Мин две мечты: взойти на трон и обрести бессмертие. Обе связаны со мной, так что лучше не бросаться такими словами. Я не ты, я не умею читать человеческие души. Сейчас мы господин и слуга — значит, так тому и быть. — Фэн Цинцзя тихо покачала головой. — Я не хотела поднимать эту тему, но лучше всё прояснить сейчас, чтобы потом не возникало недопониманий.

Мин Шусу, чувствуя одновременно обиду и злость, лишь насмешливо поджала губы.

— Хорошо, хорошо. Фэн Цинцзя, ну ты даешь!

— Девять лет назад я осталась тебе должна. Если хочешь — забирай долг. Но о другом даже не помышляй. — Фэн Цинцзя вздохнула.

На душе внезапно стало очень тоскливо.

Как было бы хорошо, если бы Мин Шусу действительно любила её.

— ... — Мин Шусу, глядя на неё, тут же поняла, о чем думает Фэн Цинцзя и чего она опасается.

Этот человек понимал, что не силен в человеческих чувствах, поэтому упрощал всё донельзя. Если она признавала кого-то, то была предана до конца; но если она считала кого-то своим учеником или господином, то переубедить её было невозможно. Её старший брат Цзы Жань, получивший отказ, был тому живым примером.

Сейчас, добившись помощи Фэн Цинцзя в восхождении на престол, она втянула в это клан Фэн, и Фэн Цинцзя уже видела в ней только правителя, избегая любых чувств.

Если она скажет что-то лишнее, в сердце Фэн Цинцзя поселится подозрение.

Впрочем, спешить не стоит.

Мин Шусу подавила свои чувства и улыбнулась.

— Госпожа права. Между нами — отношения господина и слуги, наставника и ученика, их не переступить. Но...

— Что но? — Фэн Цинцзя перебила её вопрос.

— То, что ты мне должна, храни бережно и никому не отдавай. — Мин Шусу украдкой поцеловала её в щеку. — Считай это сегодняшними процентами.

<http://bllate.org/book/21759/2250168>